

Доброжелательный ответ. Иоганн Вольфганг Гёте

Как часто присылают мне молодые люди немецкие стихотворения с просьбой не только судить о них, но и высказать свое мнение относительно поэтического призвания автора. Я умею ценить это доверие, но, в отдельных случаях, все же становится невозможным дать должный ответ в письменной форме, когда порою затруднителен и устный. Но так как все эти послания до известной степени друг друга повторяют, я решаюсь сказать здесь кое-что на будущее.

Немецкий язык достиг столь высокой степени развития, что каждому дана в руки возможность, как в прозе, так и с помощью ритма и рифм, по мере своих сил отыскивать удачные выражения, соответствующие предмету и его восприятию. А отсюда следует, что каждый более или менее образованный человек, наслышанный и начитанный, а потому в какой-то мере себя познавший, тотчас же чувствует стремление с известной легкостью выразить свои мысли и суждения, свое познание и чувства.

Но трудно и даже невозможно юноше понять, что, в высшем смысле, этим сделано еще мало. Если строже взглянуть в такие произведения, видишь, что все происходящее внутри человека и все, что его непосредственно касается, выходит более или менее удачно, а кое-что даже до такой степени, что кажется выраженным столь же глубоко, сколь и ясно, столь же уверенно, сколь и изящно. Вселенная, высшее существо и родина, безграничная природа и ее отдельные неоценимые явления порою прямо поражают нас в отдельных стихотворениях молодых людей, и мы не вправе недооценивать их нравственного значения и не можем не признавать достойным всяческих похвал также их выполнение.

Но здесь-то как раз и заключается сомнительное: многие, идущие одной дорогой, соединяются для совместного веселого странствия без того, чтобы проверить — не слишком ли далеко в небесах находится их цель?

И, к сожалению, благожелательный наблюдатель скоро замечает, что внутреннее юношеское довольство внезапно уменьшается и этот чистый источник омрачают печаль об ушедших радостях, тоска по утраченному, томление по неизведанному, недостижимому, мрачность, проклятия, которыми клеймятся любые препятствия, борьба с недоброжелательством, завистью и преследованием; компания рассеивается, и веселые спутники превращаются в мизантропических отшельников.

Как трудно поэтому разьяснить таланту любого толка и масштаба, что муза, правда, охотно сопутствует жизни, но нисколько не может ею руководить. Если при вступлении в деятельную и бодрящую, но подчас и безрадостную жизнь, перед лицом которой мы все, кто бы мы ни были, должны чувствовать свою зависимость от великого целого, вдруг начнем требовать назад все наши былые мечты, желания и надежды, весь уют старых сказок — муза удалится и будет отыскивать другого человека, способного на радостное самоотречение и легко восстанавливающего свое душевное равновесие, человека, который умеет радоваться любому времени года и не оспаривает прав у зимнего катка и у цветущего розового сада, смиряет свои страдания и всячески хлопочет о том, чтобы рассеять вокруг себя печаль и поддержать веселье.

И тогда годы не отдалят его от прекрасных богинь, которые, радуясь смущающейся невинности, не менее охотно покровительствуют и предусмотрительному уму; там поощряют ростки обнадеживающих начинаний, здесь восхищаются совершенством — во всей полноте его развития. Итак, да будет мне дозволено закончить это сердечное излияние рифмованной сентенцией:

Юный друг, пусть каждый знает,

Кто в высокий мир проник:

Муза нас сопровождает,

Но она не проводник.

1832

Комментарии

Напечатан в журнале «Об искусстве и древности» в 1828 году. Ср. со статьей «Эпоха форсированных талантов».

А. Аникст